

димера / киевскаго Всеславьевича / и владыку черниговского и весь / Киевъ градъ. И съехались / на погребение. И почаль / Михайло жену свою во гроб / клась, и самъ с нею ложит/ца во гробъ. И тутъ || взговорятъ л. 11
 все кн[я]зя / и бояра и все киевлене: / «Нигдѣ того не слыхано, / чтобъ живыя ложились / во гроб с мертвыми, а ты, / Михайло, жив не ложишь / самъ во гробъ с мертвою / женою своею. Или у насъ / в Киеве людей нетъ, а / такихъ красныхъ не выбе/решь? Захотѣлъ бы, и боя/рыню взялъ или дѣвку / посатцкую, и тебе такова ж / была». И Михайло ответъ держитъ: «Знайте всякъ / себя, указывайте дома, / закопывайте гробницу, не мѣш-кайтѣ». / И кн[я]зь || Владимиръ взговоритъ / таково слово: «Накладывайте досками дубовы/ми и засыпайте песча/ми желтыми, над гробни/цею поставте сторожи / крепкие. Какъ Михайлу / скучится, станет / крычатъ громкимъ / гласомъ, и вы раскопы/вайте Михайлу на во/лней светъ». И те все / по домамъ разохались. / И Михайло лежитъ с нею, / з женою мертвою, д[е]нь до / вечера. И какъ будетъ в полунощи, ажно пришла / к нему в гробницу змея лютая || и гробницу прогрызла / и пу- л. 12
 стила в гробницу двухъ / змеенковъ, дѣтей своих. / И змеенки почали ссать / жену ево, лѣбѣдь бѣлую, / за груди. И Михайло уха/тилъ змеенков и хотѣл / разорвать их надвое, / ажно провѣщитъ ему / змея лютая ч[е]л[о]в[е]ч[е]скимъ / гласомъ: «Михайло-де По/токъ Ивановичъ, не рви / моихъ змеенковъ мале/нких, я тебѣ принесу жи/вой воды». И Михайло отвѣтъ / даетъ: «Поди ты, змея / лютая, принеси живой / воды, и тогда я спущу || дѣтей твоих». И пошла змея / лютая и принесла ему живой / воды. И Михайло почаль змеенков рвать надвое и по/мазала живую водою, ажно / они ожили. И потомъ пома/зала свою мертвую / жену, лѣбѣдь бѣлую, жена / ево бутто от сна пробудила/сь. И тутъ Михайло засви/сталъ громкимъ богаты/рскимъ голосомъ. И почели ево / сторожа раскопывать. И бѣ/рутъ ево за бѣлые руки, а онъ ведетъ за собою жену / свою, лѣбѣдь бѣлую, за руку. / И тутъ все киевлене поди/вились, что была мертва жена || л. 13
 Михайлова, а Михайло ожи/вилъ ея. И пошедъ в домъ / свой и сталъ с нею Михайло жить любезно, лутче / старово. И жилъ с нею равно / пять лѣтъ, а товарищи / ево еще не бывали в Киевъ / град. И сталъ Михайло в чи/стое поле ездить те/шитца равно на пять / мѣсяцѣв. / А без него пришелъ под Ки/евъ град ц[а]рь Кощей / Золотой Орды, а силы с ним / 100 ты-сящъ и Киевъ град / осадилъ накрепко и по/сылаетъ в Киевъ градъ / ко князю Владимиру Все/славьевичю: || «Дай мнѣ жену Михайло/ву, и я от л. 13 об.
 Киева прочь по/иду. Ежели ты не отда/шь мнѣ жены Миха/иловы, и я твой Киевъ / град осажу накрепко / и огнемъ пожгу и мужиков / всехъ в Киеве вырублю, / а женъ и дѣтей в полонъ / возму, самому тебѣ не спущу». И кн[я]зь / Владимиръ взговоритъ та/ково слово: «Ой еси вы кн[я]зи и бояра и все киевлене, думайте думу накрепко, / отдавать ли намъ жену / Михайлову, или не отдава/ть». Кн[я]зи и бояра и все киевлене придумали: отда/димъ || мы жену Михайлову. И отдавше / ц[а]рю Кошею невѣрному. И ц[а]рь / Кощей бѣретъ за бѣлые ру/ки и подвель ея в свой бѣлъ / шатерь, а самъ от Киева / прочь пошелъ. Ажно прие/халъ ис чистово поля Миха/ло Потокъ Ивановичъ / в Киевъ град на свой бога/тырской дворъ, и встречают/ево люди дворовые и сказываю/тъ, что-де отдали жену / твою, лѣбѣдь бѣлую-киевле/не ц[а]рю Кошею невѣрному. И тутъ Михайло закручи/нилься, не слезая с своего / добраго коня и поехалъ / по граду Киеву и закрывалъ || громкимъ гласомъ: «Ой еси / вы, л. 14 об.
 собаки мужики киевле/не бѣзвѣрные, почто вы / отдали жену мою крещеную / ц[а]рю Кошею невѣрному, / управлюся я с вами опосле». / Мужики ис Киева разбежалис, / и ц[а]рь Кощей от Киева отшелъ / равно трицать дней. И Миха/йло Потокъ Ивановичъ догонил / его в три часа. Ажно